

ВЛАСТЬ ДУХА КАК СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Статья посвящена проблеме достоинства человека. Автор попытался выстроить развернутую дефиницию данной категории. Сущностное определение достоинства выявляется через анализ человеческой психики, в результате которого душа предстает как сложное взаимодействие начала высшего, духа и начал низших: инстинктов, влечений и страстей. Самопреодоление и обуздание могучей стихии «слишком человеческого» формирует достоинство человека.

Существует распространенное суждение, определяющее *достоинство* как красивую, благородную позу, которую принимает человек в момент опасности. Достоинство понимается как способность к эффектному жесту в предельной ситуации. В этом смысле можно говорить о метафизике пощечины. Подобный подход приближает нас к ответу на вопрос что есть достоинство, но при этом ускользает от понимания главное содержание нашего предмета.

Что является основанием достоинства? Существует фундаментальная психологическая потребность человека в самоуважении и в уважении со стороны других. Поэтому достоинство можно отождествить с самоуважением. Человеку необходимо иметь позитивный образ собственного «Я». Не случаен поэтому типичный вопрос русского человека к своему собеседнику в расслабленно-доверительном состоянии: «Ты меня уважаешь»? Особенно остро данная потребность осознается в ситуации унижения.

Своим основанием самоуважение имеет высокую самооценку. Роль последней показал еще Аристотель. По его мнению, великодушным является тот, кто не только достоин великого, но и оценивает себя соответствующим образом¹. С точки зрения Ч. Кули, самооценка личности во многом формируется его

оценкой со стороны других. Именно в этом смысл теории «зеркального Я»: я как в зеркало смотрю в других людей, и моя самооценка предопределена тем, как они оценивают меня. На это можно возразить, что человек сильный и самостоятельный может заставить окружающих видеть себя таким, каким он сам видит и оценивает себя: если человек уважает себя, то и его будут уважать. Но даже такой человек не может полностью игнорировать мнение окружающих: достаточно вспомнить пушкинского Онегина. «И вот общественное мнение — пружина чести, наш кумир. И вот на чем вертится мир».

Но на чем, в свою очередь, основана самооценка? Человек стремится «что-то весить на весах бытия», по выражению И. А. Ильина, он стремится быть кем-то, то есть стремится к значимости, более всего страшась быть ничтожеством. Подобную опасность выявляет П. Я. Чаадаев: «Для существа разумного нет муки тяжелее ничтожества»². У. Джеймс полагал, что трудно придумать более дьявольское наказание, чем полностью лишить человека внимания со стороны других людей³. Следовательно, достоинство человека есть осознание своей значимости: духовной, социальной и культурной. Именно на этом основано его самоуважение. Уважение со стороны других также осно-

вано на том, что человек что-то значит в этом мире.

С точки зрения современного исследователя, общественного признания человек достигает, обретая, в первую очередь, социальную значимость, у которой можно выделить следующие модусы: святость (праведность, духовность), знание (информация), слава (популярность, известность), мастерство (профессионализм), власть, богатство (капитал, состояние)⁴. Можно определить следующие средства обретения социальной значимости: труд, творчество и война. Соответственно можно говорить о двух видах пространства, в которых человек проявляет себя: пространство обыденной ситуации и повседневности и пространство предельной ситуации.

Человек, добившийся социальной значимости в пространстве повседневности, по праву пользуется заслуженным уважением. Но все-таки истинным мерилom человеческой значимости является ситуация предельная: между жизнью и смертью, когда человек противостоит страху и боли. Ситуация повседневности неожиданно сменяется предельной ситуацией в условиях именно русского бытия, часто развенчивая достоинство человека, которое формируется в условиях мира и покоя. В этом проявляется трагедия, например, войны. Нельзя не согласиться с А. И. Солженицыным: подвиг легче всего дается, если он подготовлен всей предшествующей жизнью человека. Поэтому человек, достойно ведущий себя в условиях мира, скорее всего, останется таковым и в ситуации бедствия.

Итак, быть уважаемым и уважать себя хочет каждый человек: это заложено в человеческой природе. Но уважают достойных людей, а быть достойным человеком трудно. Личность есть страдание и боль. Путь достоинства предполагает преодоление страха.

Выбирающий этот путь совершает свободный и осознанный нравственный выбор между достойным и недостойным. Данный выбор совершается в самом начале жизненного пути, когда возникает человеческое «Я». Это «Я» является субъектом достоинства. Но ситуация выбора повторяется вновь и вновь в предельной ситуации в течение всей жизни. Поэтому достоинство человека есть нравственная позиция принять на себя удар всех стихий мира. Это самоопределение человека, которое осуществляется на основании свободного выбора. Но после того, как жребий брошен, свобода обращается в свою противоположность. Достоинство превращается в «жезл и посох», которые властно ведут человека за собой. Достоинство есть иго и бремя, и путь достоинства есть несение креста. Именно в этом смысле Лермонтов сказал о Пушкине: «Погиб поэт! — невольник чести». Человек чести свободен более других. Но его неволит собственная свобода. Она не позволяет ему совершить недостойное.

Как человек достигает значимости? Что есть значимость? Возможно, существительное «достоинство» произошло от глагола «стоять» и означает, чего человек стоит в нравственном смысле, что он весит на весах бытия. *Но как выявить, чего человек стоит?* И здесь возникает идея соответствия образа человека Обобщенному Другому, то есть нормам и ценностям социальной группы, с которой он себя соотносит, и Значимому Другому, то есть авторитетной личности, чье мнение во многом формирует самооценку данного человека. Теория «зеркального Я» Ч. Кули исходит из того, что самооценка человека предопределяется мнением о нем окружающих, то есть человек «смотрит» в окружающее его общество как в зеркало. В этом случае самооценка человека будет пози-

тивной, если его позитивно оценивают окружающие. Но для этого необходимо соответствие образа человека личностному образцу, принятому в данной культуре.

Идея соответствия особенно важна для традиционной культуры. Человек является дворянином от рождения, но его жизненная задача — соответствовать своими поступками высокому сословному статусу, быть достойным его. Идея соответствия является особенно значимой в духовной традиции Востока. Знаменитая концепция исправления имен выражается в следующей формуле Конфуция: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном».

Важнейшие архетипические образы сохраняются и в современной культуре. К таковым относится образ мужчины. Это древний архетип, которому соответствует образ защитника, воина, добытчика, кормильца, отца. Ситуация унижения как раз и возникает тогда, когда данного соответствия достичь не удастся. Для этого необходимо проявить себя, то есть необходим поступок. Достоинство есть способность к поступку, то есть к действию, превышающему инстинкт самосохранения и базовую человеческую потребность в безопасности. В этом смысле оно тождественно пассионарности, как ее понимал Л. Н. Гумилев⁵.

Высшей формой поступка является подвиг. Парадокс же заключается в том, что, с одной стороны, человек в известном смысле знает свою сущность еще до испытания, до совершения поступка. Это выражается в его уверенности, что он справится с трудной жизненной задачей. В этом смысле суждение о достоинстве априорно. Мы считаем человека достойным, пока он не доказал обратное — в этом смысле существует презумпция достоинства. Человек не может

знать, на что он способен, пока не побывал в предельной ситуации. Даже если человек сумел выдержать испытание, нет гарантии, что он выдержит новое, еще более суровое испытание. Справедливо поэтому, что, например, к лику святых причисляют только после смерти. Поэтому, на наш взгляд, в причислении к героям при жизни есть нечто не вполне безупречное, лишь смерть подводит окончательную, оценивающую, подытоживающую черту. Таким образом, достоинство человека несет в себе героическое начало.

Но поступок при всей его значимости есть лишь внешнее проявление того скрытого смысла, который мы стремимся выявить.

Этимология слова «достоинство» помогает сформулировать его концепцию, подтверждая, что достоинство человека в истории культуры понималось как его ценность, значимость, определяемая как способность к поступку. В архаическом и раннеантичном представлении, позднее у Гомера, достоинство человека — его соответствие занимаемому им месту в социуме, шире — соответствие естественному порядку вещей, космическому миропорядку, соответствие индивида «должному», хотя само по себе достоинство семантически не выражено.

В русском языке слова «ценность», «оценка» (достоинство и есть, по нашему определению, осознание человеком своей значимости, ценности) связано со словом цена. Понятие цена включает в себя не только стоимость в деньгах, но и бесценное («Мы за ценой не постоим» — Б. Окуджава).

Немецкое слово «Wert» кроме значения «цена товара, его стоимость» обозначает также «великолепие», «величие», «важность». Как показал в своем этимологическом изыскании Л. Н. Столович, это слово связано с готским

«vaigrs», старопрусским «werts», старославянским «vredu». Слово «Wert» может иметь смысл «уважаемый», «почтенный», оно связано этимологически со словами «Wurde» — «достоинство», «virtue» — и «dignity» — «достоинство» (англ.). Готское «vaigrs» означает «ценность», «достойный». Санскритское «Weg» означает «покрывать», «защищать», отсюда — «уважать, почитать» и «любить, ценить». Производное от этого слова прилагательное «wertas» — означает «превосходный, почтенный»⁶.

Слово «достоинство» происходит из старославянского языка, имея эквиваленты в украинском, чешском, словацком, болгарском языках. Общеславянское «достойный» образовано от «достой» — приличие, соответствие, соразмерность⁷. Оно связано со словом «стоять», которое по-русски, как и по-польски и по-чешски, одновременно значит «стоять неподвижно» и «стоять»⁸.

«Достой» (м), «достойность» (ж) — приличие, приличность, соразмерность, сообразность, чего стоит человек или дело по достоинству своему⁹. *Сделать что-то по достояю значит исполнить как должно, как следует.* Достойный — стоящий, заслуживающий, надлежащий, должный, приличный, сообразный с требованием правды, чести.

Достойный человек — человек уважаемый, ценимый. Достоинство — стоимость, ценность, добротность, степень годности; отличное качество или превосходство. Применительно к человеку — это сан, звание, чин, значение. Таким образом, В. И. Даль не дает четкого определения достоинства человека, но это не значит, что в то время такого понятия вообще не было в русском языке, так как «достоинство» используется автором «Толкового словаря» как аксиома для выведения понятия «честь».

«Честь (ж.) — внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»¹⁰.

«Лучше мне умереть, чем если похвалу — честь мою кто уничтожил бы», — сказал апостол Павел. (1 Кор., IX, 15). Здесь возможны две интерпретации: апостол Павел проповедовал учение Христа, которое утверждает абсолютное достоинство каждого человека, стирая национальные, сословные и прочие границы. Все равны перед Богом в своем человеческом достоинстве. Поэтому при переводе Нового Завета на русский язык здесь более было бы уместно слово «достоинство». С другой стороны, хотя по своему социальному статусу апостолы не принадлежали к аристократии, а были простыми рыбаками, духовно они сознавали себя избранными учениками Христа, и этой высокой избранности более соответствует понятие «честь», тем более что апостол в данном случае говорит о самом себе.

В полном соответствии с русской православной традицией у В. И. Даля понятию гордость придается отрицательный нравственный смысл. *«Гордый, гордынный, гордостный, горделивый — надменный, высокомерный, кичливый, надутый, высокосый, спесивый, зазнающийся; кто ставит самого себя выше прочих. Гордые приемы, обращения, свойственные гордому человеку...*

Гордость, гордыня, горделивость (ж.) — качество, свойство гордого, надменность, высокомерие¹¹.

Таковы русские народные пословицы, которые приводит автор словаря: «Гордым быть, глупым слыть»; «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать»; «В убогой гордости дьяволу утеха»; «Во всякой гордости черту много радости»; «Смирение паче гордости»; «Сатана гордился — с неба свалился,

фараон гордился — в море утопился, а мы гордимся — куда годимся?»¹².

Но необходимо отметить, что по мере развития процесса обмирщения культуры в сознании русского дворянства с XVIII века понятие «гордость» все более приобретает положительное нравственное содержание и отождествляется с ярким проявлением чувства собственного достоинства.

В Западной Европе это произошло значительно раньше: там гордость стала светской добродетелью средневекового рыцарства.

В современном словаре русского языка достоинство человека — совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе. Оценить по достоинству кого-либо значит составить о нем правильное (положительное или отрицательное) мнение.

Честь — достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности, хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя. Следует отметить, что отождествление чести с добрым именем является свидетельством того, что в советском менталитете честь теряет свою элитарность. В императорской России была строгая сословная дифференциация: честь — дворянству, доброе имя — всем остальным. Выражение «честь мундира» в советское время также теряет свое первоначальное значение, присущее исключительно воинскому сословию, позднее — чиновникам, и рассматривается как профессиональная гордость, уважение к званию, к общественному положению и т. п. Еще одно значение понятия «честь» — почет, уважение и слава героям¹³.

Мы исходим из убеждения, что достоинство является абсолютной духовной ценностью для личности. Человек всегда и при любых обстоятельствах стремится сохранить позитивный образ своего «Я»,

что является условием удовлетворения фундаментальной человеческой потребности в самоуважении. Поступок является средством, при помощи которого человек сохраняет свой позитивный образ. Достоинство выступает универсальной и абсолютной ценностью, ибо оно основано на сущностной человеческой потребности в самоуважении и уважении со стороны других. Защитить свое достоинство — значит суметь ответить словом и действием другому, сказав: «Нет, существует предел, который я Вам не позволю переступить». Это «нет» утверждает существование границы, некоего предела, за которым находится священная область, не допускающая посягательств на нее. Эта священная область и есть достоинство человека.

Достойный человек не флюгер, который полностью зависит от того, куда ветер подует, то есть — от обстоятельств. Он имеет свои убеждения, принципы и идеалы, от которых не может отказаться несмотря ни на что. Именно поэтому он занимает нравственную позицию противостояния «давлению жизни». У человека существует потребность в оправдании своего бытия перед Богом, миром и самим собой. Стремление человека при любых обстоятельствах сохранить свой позитивный образ как раз и является подобным самооправданием. Даже у человека, преступающего нравственный закон, есть глубинная потребность в оправдании своего поступка. Самому последнему негодяю необходимо ощутить себя правым: в этом источник его силы. Достойный же человек ищет правду и стремится к ней. С христианской точки зрения, это объясняется тем, что в человеке как бы сохраняется воспоминание своего происхождения от некоей высшей правды, к которой он стремится возвратиться. Таким образом, подчиняясь источнику правды, человек подчиня-

ется не чему-либо чуждому, а наиболее высокой части собственного «Я». Достоинство человека и есть соответствие его образа, внутреннего нравственного содержания этой глубинной общечеловеческой правде. Эти рассуждения соответствуют гуманистической традиции понимания человека.

Подлинное понимание того, что есть человеческое достоинство, приходит в момент предельного испытания. Честь и достоинство были святы для А. С. Пушкина, человеком чести он оставался в течение всей своей недолгой жизни, но своей кульминации верность чести достигла у поэта в ситуации его роковой дуэли и последующих предсмертных страданий. Испытывая невыносимые муки, поэт полностью сохранял самообладание и присутствие духа: «Не может быть, чтобы этот вздор меня пересилил». Героическая дуэль и мученическая кончина венчали его жизненный путь. Так, Ф. М. Достоевский считал величайшей жизненной задачей сохранение в себе именно человеческого, несмотря на все жизненные испытания и страдания. В письме брату Михаилу сразу после несостоявшейся смертной казни, он пишет: «Я не уныл и не упал духом. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее»¹⁴.

Попытка определить, что есть достоинство, выявить его сущность затрагивает наиболее глубинные основания человеческого бытия. М. Хайдеггер полагает, что человек — сущее, существо которого в бытии-вот, в присутствии (Dasein). Таким образом, немецкий философ стремился дать определение неопределимому человеческому существу.

Человек бытийствует настолько, насколько он осуществляет возможность

своего присутствия. В. В. Бибихин сформулировал свою мысль следующим образом: присутствие — это нечеловеческое в человеке, его бездонность. Мы могли бы предположить, что присутствие можно понимать как достойное бытие. Но данное суждение опровергается мыслью Хайдеггера, что не личность решает, присутствовать ей или нет. Помимо своей воли, в любом из своих состояний неведомой силой человек брошен в собственную открытость. Достойное же бытие определяется собственным духовным усилием человека, возможность которого дана от Бога каждому, но далеко не каждый оказывается способным реализовать данную возможность. Но и В. В. Бибихин вслед за Хайдеггером пишет о возможности человека упустить себя как не последней его возможности. Безличные «люди» чаще всего действуют в нас вместо нас. Но совесть все время напоминает человеку о собственной возможности присутствия. Совесть требует от человека достойного бытия.

Достойное бытие есть бытие над бездной, но лишь бытие на пределе, на краю является наиболее прочной укорененностью человека в бытии («Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю»).

Хайдеггер полагает, что лишь фундаментальное настроение ужаса способно приблизить нас к самому Ничто. Подлинный ужас не есть простая боязнь: мы боимся определенных вещей, и в страхе «теряем голову». Ужасу же присущ «оцепенелый покой». По мысли Хайдеггера, «ужасом приоткрывается Ничто»¹⁵.

Все сущее становится шатким в состоянии ужаса, который сопровождается абсолютной нашей немощью по отношению к сущему. «Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто»¹⁶.

Достоинство есть предстояние предельному, в качестве же последнего пре-

дела для человека выступает смерть, которая, по суждению И. А. Ильина, дарует человеческой жизни меру и форму. Лишь смерть придает всему жизненному содержанию истинный критерий и верный масштаб. Русский философ делает важнейший вывод: «не все, чем мы живем, стоит того, чтобы мы отдавали ему свою жизнь. Только те жизненные содержания и акты полноценны, которые не боятся смерти и ее приближения, которые могут оправдаться и утвердиться перед ее лицом. Все, что стоит нашего выбора и предпочтения, нашей любви и служения даже и в предсмертный час, — все прекрасно и достойно. За что можно и должно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить. Жить стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судия»¹⁷. Идея смерти дает человеку жажду истинного качества. Перед лицом смерти выявляется истинность достоинства.

Таким образом, искусство жить достойно предполагает главное умение — преодолеть страх смерти и страх боли. Не случайно Платон понимал философию в подлинном смысле этого слова как предуготовление к смерти; собственно, в этом и состоит главная жизненная мудрость, любовь к которой и есть философия. Не является ли истиной прозрение Достоевского, высказанное устами одного из его героев, что сама мысль о Боге есть не что иное, как боль страха смерти.

Русское предстояние смерти пронзительно показано в произведении известного русского писателя. Герою повести Евгения Носова «Усвятские шлемоносцы» Касьяну тридцать шесть лет. По словам автора это «самое спелое му-

жицкое времечко», в соответствии с некоторыми новейшими подсчетами именно столько лет на самом деле было Христу. Эта светлая повесть написана так, что мы понимаем: Касьяну предстоит именно уход, он уходит с другими мужиками на войну, с которой, как и другим усвятским мужикам, ему не суждено вернуться.

Критик Борис Агеев уловил в повести главное: не случайно его статья названа «Человек уходит». Он выявляет в повести мотив Конца Света. На наш взгляд, в трагическом уходе каждого человека можно выявить данный мотив: человек есть мир, Вселенная. Люди понимают это с древнейших времен. В момент смерти для человека «меркнет свет», и весь мир умирает вместе с ним.

Итак, Касьян достиг наивысшего мужицкого расцвета, а русское представление о смерти таково, что человек умирает не от старости, болезни или несчастного случая, а именно когда достиг, созрел. Это исконно евангельское представление, опирающееся на идею Апокалипсиса: «Кую серп свой и ножны, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела».

Борис Агеев справедливо выделяет главную идею повести Носова: это откровение о достоинстве русского человека перед лицом неизбежно надвигающейся смерти, здесь пронзительно показано, что сама наша жизнь есть «бытие к смерти». Высший смысл жизни измеряется кончиной, но и сама смерть измеряется достойным бытием. Глубинный смысл достоинства перед лицом смерти — честно исполнить свое земное. Критик здесь цитирует святого Иоанна: «Знаю дела твои, и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых».

В некоторых толкованиях Ветхого Завета Адам символизировал рассудоч-

ную часть человеческой души, Ева же — чувственную часть. Власть мужчины-рассудка признавалась безусловной для достойного человека.

Платон создал первый в истории европейской мысли символ достоинства человека, разделив человеческую душу на высшее и низшее начала. Философ полагал, что душа есть нематериальная субстанция, являющаяся невидимой. По Платону, существуют два мира: низший мир вещей и высший мир идей. Идея являет собой сущность вещи. Душа же происходит из мира идей и является его частью. Душу имеют все живые существа. Она сотворена Богом и сама является частью Бога. Богом же Платон считал верховную идею наивысшего блага. По идее философа, человеческая душа состоит из трех составных частей: во-первых, это разум, являющийся средоточием мудрости, данной Богом, и вечно существующий; во-вторых, это две души, формируемые государством, — душа алчущая и душа пылкая, или эмоциональная. Высшей частью души является Разум. Он подобен возничему, который управляет конями — душой алчущей и душой пылкой, или эмоциональной. Последние символизируют человеческие страсти. Страсти необычайно сильны в человеке, поэтому возничему трудно управлять конями. Охваченные страхом, они могут и понести, и для укрощения страстей необходима твердая и властная рука разума, нужна твердая узда. Разум-возничий стремится направить бег колесницы, то есть человеческую жизнь, по достойной стезе, ведущей к познанию мира идей. Но кони — душа эмоциональная и душа алчущая — то и дело низвергают колесницу в земную пыль: алчность и эмоциональность. Платон связывал проявления человеческой эмоциональности именно с душой эмоциональной. Она иррациональна, но более

податлива для Разума, чем душа алчущая — низшая часть души, связанная с проявлением человеческих страстей, глухих к голосу Разума. Свобода человека, по Платону, проявляется, как это ни парадоксально, в самообуздании: высшее начало в человеке призвано держать в узде могучую стихию первозданного хаоса своего природного, животного начала. Страх, гнев, уныние, сладострастие, корысть, жажда славы и власти составляют могучую стихию человеческого характера, столь трудно поддающуюся узде.

В своем анализе человеческой психики Аристотель использовал идеи Платона: одна часть человеческой души неразумна, другая — разумна. «Ведь хвалим же мы в человеке воздержном и невоздержном разум и разумную часть души, ибо он побуждает к истине и прекрасному. Но есть в этих людях, как кажется, нечто другое, помимо разума, что борется и противодействует ему»¹⁸. По Аристотелю, неразумная часть души двояка: растительная — вообще не причастна разуму. Она присутствует не только в человеке, но и во всех существах. Страстная, или стремящаяся, часть души причастна разуму, повинувшись ему, подобно тому, как мы повинемся отеческой власти. Аристотель признает двояким и сам разум. С одной стороны, разум есть начало властвующее и владеющее. С другой стороны, разум есть начало повинующееся как бы отеческой власти¹⁹. Следуя Аристотелю, мы можем сделать вывод, что власть высшего начала души над низшим, то есть достоинство в нашем понимании, является фундаментальной ценностью, основанием как для дианоэтических, так и для этических добродетелей. Но само это высшее начало души отнюдь не самодостаточно. Оно подчиняется как бы отеческой власти, пределом которой является власть Абсолюта.

Морально совершенным, с точки зрения Аристотеля, является не всякое поведение человека, руководимое его разумом. Последний может иметь преступную и бесчеловечную цель. Лишь стремление к цели, признаваемой в качестве высшего блага, определяет моральное совершенство разумного поведения человека (то есть его достоинство, в нашей терминологии — *В. К.*). Высшее благо является абсолютной целью. Таким образом, уже античный гений определял то, что мы сейчас понимаем как достоинство, как предстояние Абсолюту.

Греки понимали мораль как меру господства человека над самим собой. Из этого следует, во-первых, то, что эта мера достигается усилием самого человека. Поэтому человек несет ответственность за себя, за свои поступки. Достоинство и есть способность самостоятельно ответить за себя, в предельной ситуации платя за это собственной жизнью.

Во-вторых, мы называем достоинством человека то, что, начиная с греков, понималось под моралью в целом. Достоинство, следовательно, является одной из наиболее фундаментальных ценностей, выше которой только Абсолют, являющийся сверхценностью.

Вся сила же низменного начала сосредоточена прежде всего в страхе, который С. С. Аверинцев назвал главным орудием дьявола. Именно в этом смысле к человеческому достоинству с полным правом можно отнести суждение Достоевского о красоте. Достоинство есть также страшная сила: в сердце человеческого дьявол с Богом борется. Собственно, в этом заключается смысл героизма, то есть предельной формы достоинства, когда духовное усилие самопреодоления совершается на пределе, а иногда и за гранью человеческих возможностей. Таким образом, становление достоинства есть путь духовного восхождения. Вос-

ходит же и возрастает именно дух, высшее начало в человеке. По слову Василия Великого, «Человек — это животное, которое получило повеление стать Богом». Сущность же достоинства, которое является самопреодолением человека, заключается в том, что высшее духовное начало в человеке преодолевает низшее, животное. Бог в человеке преодолевает зверя.

Психоанализ действительно совершил коперниканский переворот в науке о человеке, выявив и описав бессознательное как важнейшую часть психики и описав его механизмы. Велики его возможности как современной технологии власти в PR, в рекламе и т. д. Но сама идея бессознательного и деление человеческой души на составные части, то есть психоанализ, в собственном смысле этого слова, впервые появляются у Платона. У философа это душа алчущая, низшая часть души, связанная с проявлением человеческих страстей.

Платон и воспринявшие его мысль христианские философы исходят из идеи власти высшего начала в человеке над низшим. Только в этом случае человек обладает высшей свободой — свободой духа. Человеческий дух не зависит от страстей. Он умеет держать их в узде, господствуя над телом и душой. Поэтому высший вид свободы — свобода от греха. Христиане помнят завет Иоанна Златоуста. Бог у него говорит человеку: «Я дал тебе прекрасное тело. Создай себе прекрасную душу!»! Психоаналитики по-иному расставили акценты: человек является лишь марионеткой бессознательного. З. Фрейд приписывает трансцендентную сущность отнюдь не Разуму, божественному началу в человеке, а бессознательному, то есть иррациональной составляющей человеческой души. Э. Берн по этому поводу заметил: «Фрейд за своей концепцией обратился в преисподнюю»²⁰.

Достоинство можно определить как власть духа, высшего начала в человеке над душой и телом. Достоинство человека является онтологической ценностью: человек есть микрокосм, целый мир, Вселенная. Понимание этого пришло из сакральных религиозных традиций. В Коране сказано: когда умирает человек, умирает целый мир. В Талмуде эта же мысль выражена несколько иначе: спасший одного человека спасает Вселенную. Эти слова выбиты на могиле Оскара Шиндлера, немецкого промышленника, спасшего сотни евреев в годы Холокоста. Самодержавие духа означает победу над собой: над трусостью, малодушием, безволием — то есть победу высшего начала в человеке над низменным. Именно в этом смысле владеющий собой владеет всем миром. А поскольку человек есть микрокосм, стало быть, победа духа, то есть высокого начала хотя бы в одном человеке, есть торжество духовности во вселенском бытии — именно в этом проявляется онтология достоинства.

Истинным мерилom достоинства является смерть: человек должен спросить себя: «Готов ли я отдать ради этого жизнь?». По слову И. А. Ильина, «религиозный центр духа есть то самое, что Державин называл: «душа души моей»: самое подлинное, глубокое и всепроникающее средоточие личной жизни, за которое нельзя не идти на смерть»²¹.

Вот как раскрывает русский философ смысл таинственной евангельской формулы «иже аще възьмет душу свою спасти, погубит ю, и иже аще погубит ю, живит ю» (Лук. 17, 33): «Кто захочет жить во что бы то ни стало, любой ценой, — тот отречется от своего религиозного центра, от Бога и от собственного духовного достоинства, погубит свое духовное начало и перестанет быть духом; пренебрегающий же своей жизнью

во имя Божьего дела спасет свой дух ценой пренебреженной жизни»²². Соответственно в этом смысле истинного самоотречения и самопожертвования: герой не отрекается от себя, а преодолевает в себе низшее начало, «человеческое, слишком человеческое» и животное, преодолевает инстинкт самосохранения, слабость и страх. В этом преодолении его ведет и направляет его религиозный центр, его «купинно-духовное естество», его «духовный Кремль». Но истинное преодоление, по Ильину, — даже не «жертва», в которой есть еще колебание и «жалующая жадность», преодолеваемая духовным усилием и отрывом. Религиозный же герой — исповедник, мученик, борец, «воин Божий» — «отдает эту невыносимую и постыдную видимость жизни с той естественной легкостью, с какой падает с ветки созревший плод»²³.

Человеческое достоинство характеризуется беспредельностью и устремленностью в вечность. Смерть ставит границы человеческой жизни, но при утверждении достоинства осуществляется духовная победа над смертью, означающая преодоление связанного с нею страха этого «орудия дьявола», по выражению С. С. Аверинцева. Тот, кто остается человеком в самых нечеловеческих условиях, становится достойным бессмертия.

Вся формула достоинства содержится в короткой строке из записки офицера атомохода «Курск» Дмитрия Колесникова, написанной накануне гибели: «Не надо отчаиваться». Сохранение веры и мужества в безнадежной ситуации означает духовную победу при наступлении смерти физической. «И присяга верней, и молитва навязчивей, когда бой безнадежен и чуда не жди». Путь достоинства опасен уже тем, что часто требует креста.

Достоинство человека тождественно духовной его свободе в том парадоксальном смысле, что истинное достоинство есть тяжкое бремя. Поведение достойное есть поведение должное, то есть требуется возможное, когда из арсенала возможностей лишь одна является той, исполнения которой требует достоинство. Именно в этом смысле Лермонтов назвал Пушкина «невольником чести». Лишь носитель чести является подлинно свободным, но эта свобода означает для него абсолютный запрет на недостойное поведение.

В этом смысле существует безусловная принудительность достоинства: лучшая часть человеческого «Я», его «духовный Кремль» заставляют человека искать, выбрать из альтернативных вариантов единственно достойный. По другому этот «духовный Кремль» можно назвать совестью, то есть частицей Абсолюта, которая есть в каждом человеке. Поэтому бремя достоинства есть одновременно и свобода; человек подчиняется не внешней, принудительной силе, а лучшему, высокому началу, которое есть в нем самом. Именно в этом состоит парадокс свободы и достоинства.

Проблему можно сформулировать следующим образом: существует ли достоинство человека? Если достоинство существует, то возникает вопрос: почему оно существует? Почему достоинство есть, а достоинства нет?

Поэтому главную проблему можно сформулировать так: осуществляет ли человек духовное усилие самопреодоления, при котором устанавливается власть высшего начала в человеке над низшим? Прав ли Платон, исходивший из того, что высшее начало, божественный Разум обуздывает могучую дионисийскую стихию природных человеческих страстей и аффектов? В состоянии ли возникший обуздать коней, бешено

рвущихся вперед? Права ли христианская традиция, императивом которой является власть высшего начала, духа над душой и телом? Или человек — раб своих страстей, влечений, аффектов и могучих природных инстинктов: сексуального инстинкта, еще более сильного инстинкта — инстинкта самосохранения и основанного на нем чувства страха, который может быть беспредельным? В состоянии ли страх и боль одержать победу над человеческим духом, а значит, подавить его и полностью овладеть человеческой душой, бессмертной, с точки зрения христианства? В этом случае победа темного, низменного начала, его торжество над духом является вечным. Если прав Достоевский, представляющий христианскую традицию: дьявол, символизирующий бездну темного начала, начала низменного, хотя и невероятно сильного (речь идет о животном страхе небытия), постоянно борется с Богом, который поддерживает человеческий дух, являющийся высшим, божественным началом, а «поле битвы — сердца людей. Однако если дух слабее животной стихии, значит, Зло сильнее Добра, дьявол сильнее Бога. Но в этом случае бессмысленно вообще говорить о достоинстве человека.

Но фактически именно об этом речь идет у З. Фрейда, учение которого появилось в ситуации, обозначенной Ф. Ницше как смерть христианского Бога. Эта идея Ницше противостоит не только христианству, но и всей идеалистической традиции, восходящей к Платону. Хайдеггер интерпретировал Ницше следующим образом: исчез сам сверхчувственный мир идей, то есть само место для Абсолюта. Но если для Ницше «смерть Бога» означает то, что должно произойти становление сверхчеловека, то есть самопреодоление «больного животного», достижение высшей ступени в развитии

человеческого рода, то для Достоевского это означало свободу от властной узды высшего начала и свободу для проявления в человеке всего самого низменного, власть бездны собственной души. Или происходит торжество духа, но духа не от Бога, того духа, который вел по жизни ставрогиных и свидригайловых? Все это выражено в формуле героя Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено».

3. Фрейд в своей теории исходил из того, что человек детерминируется бессознательным, являющимся низшим началом в человеке, над которым не властен разум-дух. Сильные влечения и могучие природные инстинкты имеют большую власть над человеком. У данной позиции есть своя глубинная правда. Поэтому речь идет об антиномии: 1 — высшее начало в человеке обуздывает могучую стихию животной природы, следовательно, достоинство человека есть. 2 — Природная стихия инстинктов, страстей, аффектов сильнее духа и владеет человеческой душой. Следовательно, достоинства человека нет. Фрейд жалеет слабого и грешного человека, помогает ему избавиться от страданий, но путем оправдания первородного греха.

Итак, достоинство человека есть проявление его духовной силы. И в этой связи нам представляется проблематичным делить людей на достойных и недостойных, так как сила и слабость относительны, и диалектика силы и слабости, подобно диалектике господина и

раба, есть сложная диалектика. С нашей точки зрения, при оценке человека с позиции достоинства-недостойности мы имеем дело с антиномией.

С одной стороны, с эпохи становления религий существует жесткое деление людей на достойных и недостойных (достойных Рая или достойных Ада). В предельной ситуации и проблема достоинства и чести стоит предельно остро. Таким образом, первая позиция заключается в том, что достоинство есть.

Вторая позиция антиномии заключается в том, что предельная ситуация, невероятные испытания могут раздавить любого человека. Слишком сильна власть обстоятельств над личностью. Даже для самого сильного духом человека всегда можно найти такое обстоятельство — в виде пытки (например, в виде крысы из оруэлловского произведения «1984»), — которого он не вынесет. И поэтому деление людей на достойных и недостойных во многом условно, так как условны духовная сила и слабость.

Сильную аргументацию для данной позиции представил трагический опыт XX века. Опыт антропологии в нечеловеческих условиях представил миру Варлам Шаламов. Чтобы человек выжил в условиях ада Колымы, его высшее начало, его дух, начинает служить началу низкому, инстинкту жизни, усиливая его до такой степени, что человек выживает тогда, когда погибают выносливые животные.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аристотель. *Этика (к Никомаху)* // Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. Минск, 1998. С. 229.

² *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М., 1987. С. 153.

³ *Джеймс У.* Личность // *Психология личности: Тексты* / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982. С. 63.

⁴ *Смирнов П. И.* Социология личности: Учеб. пособие. СПб., 2001. С. 59.

⁵ См.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

-
- ⁶ Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина // Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994. С. 9.
- ⁷ Там же. С 8–9.
- ⁸ Там же. С. 9.
- ⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1978. С. 479.
- ¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб., 1880. С. 599.
- ¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1978. С. 378.
- ¹² Там же. С. 378.
- ¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 766.
- ¹⁴ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 46.
- ¹⁵ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М., 1993. С. 21.
- ¹⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁷ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А.: Сочинения в двух томах. М., 1994. Том второй. С. 427.
- ¹⁸ Аристотель. Этика (К Никомаху) // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 166.
- ¹⁹ Там же. С. 166–167.
- ²⁰ Цит. по: Хачикян Х. К. Добро и зло в человеке: «Археология психоанализа» и эволюция психоаналитических категорий эго // Философский век. Альманах. Вып. 21. Ч. 1. СПб., 2002. С. 139.
- ²¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 418.
- ²² Там же. С. 418.
- ²³ Там же.

V. Kuznetsov

THE POWER OF SPIRIT AS THE ESSENCE OF DIGNITY

The problem of human dignity is regarded and a definition of this category is given through the analysis of the human psyche in which the soul is interpreted as a complicated synthesis of the superior beginning, spirit and low beginnings: instincts, attractions and passions. Self-identification and control of the powerful element of the “too human” form the human dignity.